

Познавательные возможности политологии: к постановке вопроса о российской политической науке

Cognitive possibilities of political science: ask questions about Russian political science

УДК

DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-1-93-102

Получено: 31.01.2024

Одобрено: 18.02.2024

Опубликовано: 25.03.2024

Копеев Е.Н.

Канд. филос. наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций и рекламы Российского государственного гуманитарного университета.

e-mail: kopayev.en@rggu.ru

Кореев Е.Н.

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Integrated Communications and Advertising of the Russian State University for the Humanities.

e-mail: kopayev.en@rggu.ru

Аннотация

Цель работы состоит в постановке вопроса о познавательных возможностях политической науки и насколько, в связи с этим, методологический инструментарий политологии является адекватным средством для изучения российской действительности. *Методологией* исследования выступил политико-философский подход, в рамках которого использовались ретроспективный метод и дискурс-анализ. Специфика социально-гуманитарных наук подразумевает наличие ценностных позиций субъекта познания и обуславливает практико-ориентированную направленность его исследовательской активности. В основе, реконструированной ученым модели реальности, находится ценностно-окрашенная картина мира, которая прямым или неявным образом оказывает влияние на интерпретацию фактов. Политическая наука, являясь частью социально-гуманитарного знания, не лишена его специфики и также имеет в своей основе определенную модель картины мира – парадигму. Наука о политике образовалась в лоне западного общества, взяв за основу соответствующую парадигму мышления. В определенный момент центральные позиции в изучении политики начинают занимать компаративистика, фактически оттеснив на периферию другие разделы политологии. Ее отличительным свойством, не преодоленным по сегодняшний день, является установка на сравнение всего многообразия политического мира с собственным «идеалом» должного. Соответственно, все, что не вписывается в данную ценностную картину мира, признается враждебным, отсталым, несовершенным. На таких парадигмальных основаниях долгое время осуществлялось изучение российской политической жизни. Беря на «вооружение» подобный способ объяснения политической сферы российского общества, мы ставим себя в позицию догоняющего, пытаясь подстроить собственную реальность под стандарты, формировавшиеся в иных культурно-исторических условиях. Исходя из этого, возникает вопрос о применении методологии политической науки к российским условиям. *Выводы:* поставленный в работе вопрос может повлиять на смену действующей в российской политической науке парадигмы или, как минимум, на уточнение ее методологических оснований, что открывает перед отечественными обществоведами широкий простор для изысканий.

Ключевые слова: методология, картина мира, парадигма, политическая наука, компаративистика, политическая философия, познавательные возможности политологии.

Abstract

The purpose of the work is to raise the question of the cognitive capabilities of political science and to what extent, in this regard, the methodological tools of political science are an adequate means for studying Russian reality. The methodology of the research was a politico-philosophical approach, which used a retrospective method and discourse analysis. The specificity of the social sciences and humanities implies the existence of value positions of the subject of cognition and determines the practice-oriented orientation of his research activity. The model of reality reconstructed by the scientist is based on a value-colored picture of the world, which directly or implicitly influences the interpretation of facts. Political science, being a part of social and humanitarian knowledge, is not devoid of its specificity and is also based on a certain model of the worldview - a paradigm. The science of politics was formed in the bosom of Western society, taking as a basis the corresponding paradigm of thinking. At a certain point, comparative studies begins to occupy a central position in the study of politics, in fact identifying the whole of political science with itself. Its distinctive feature, which has not been overcome to this day, is the attitude to compare the entire diversity of the political world with its own "ideal" of due. Accordingly, everything that does not fit into this value picture of the world is recognized as hostile, backward, imperfect. On such paradigmatic grounds, the study of Russian political life has been carried out for a long time. By adopting such a way of explaining the political sphere of Russian society, we put ourselves in the position of catching up, trying to adjust our own reality to the standards that were formed in other cultural and historical conditions. Based on this, the question arises about the application of the methodology of political science to Russian conditions. Conclusions: the question posed in the work may affect the change of the paradigm in force in Russian political science or, at least, the clarification of its methodological foundations, which opens up a wide scope for research for domestic social scientists.

Keywords: methodology, worldview, paradigm, political science, comparative studies, political philosophy, cognitive capabilities of political science.

Введение

Цель научного познания состоит в постижении истины. Однако, в отличие от других способов познания, таких как мифология, религия и искусство, наука постигает мир с опорой на рациональность, стремясь получить объективное знание о реальности. Это дает возможность делать окружающий нас мир понятным и предсказуемым, а значит, безопасным и открытым для созидательного действия. Таково назначение науки. Политология не является исключением и видит свою миссию в предоставлении возможности отслеживать ход процессов, затрагивающих интересы многочисленных социальных групп и разнообразных обществ и, по возможности, минимизировать издержки, возникающие вследствие их столкновения.

В данной работе мы обратимся к фундаментальным основам политологии, а именно к вопросу ее методологии научного познания. Речь пойдет о том, как политическая наука строит представление о реальности и какими нюансами этот процесс сопровождается. Принципиальным видится вопрос: насколько познавательные возможности политологии (дисциплины, возникшей в условиях западного общества) адекватны для отражения российской политической действительности? Прояснение этого вопроса повлияет на дальнейшее движение политической науки и не исключено, что и на ее статус в нашей стране. Разумеется, в рамках статьи невозможно решить столь амбициозную задачу, но грамотная постановка вопроса, как известно, уже половина ответа. Надеемся, это откроет пространство для дискуссии и запустит механизмы поиска и последующей выработки необходимого решения, особенно учитывая тот факт, что проблема назрела давно.

Итак, цель настоящей работы состоит в постановке вопроса о познавательных возможностях политической науки и насколько, в связи с этим, методологический инструментарий политологии является адекватным средством для изучения российской действительности. На данном пути нам предстоит коснуться рассмотрения методологической специфики политической науки, отметить принципиальные моменты становления политической науки и понять ценностные основания ее картины мира, оценить целесообразность применения данной парадигмы к изучению российской политики.

Обзор научной литературы

Проблематика методологии политической науки и ее преломления в плоскости российской действительности, вопросы значения политической философии и месте политологии в системе социально-гуманитарного знания регулярно поднимаются российскими специалистами с момента конституирования науки о политике в нашей стране. Для того, чтобы систематизировать и описать все имеющиеся позиции потребуется отдельная публикация, поэтому в рамках данного раздела мы остановимся на освещении нескольких, наиболее значимых, с нашей точки зрения, работ, вышедших за последние годы.

В 2019 г. издана знаковая коллективная монография под названием «Современная политическая наука: методология» [15], авторами работы выступили видные отечественные специалисты в области политологии, такие как О.В. Гаман-Голутвина, Л.В. Сморгун, А.И. Соловьев, Л.Н. Тимофеева, О.Ф. Шабров, Е.Б. Шестопап и мн. др. В книге освещается более тридцати методологических подходов, являющихся исследовательским инструментарием современной политологии. «Принципиально важно, что исходным отправным пунктом в размышлениях о методологии политической науки стала цивилизационная теория, аналитическая действенность которой основана на представлении о цивилизациях как субъектах исторического и политического процесса» [14, с. 207].

Нельзя обойти вниманием публикацию одного из крупнейших российских ученых О.В. Гаман-Голутвиной, в которой автор берется за рассмотрение современного состояния методологического измерения политической компаративистики. Сравнительная политология является системообразующей для политической науки областью и на сегодняшний день «наметилось торможение в развитии субдисциплины и отчасти политологии в целом» [3, с. 20]. Пути преодоления образовавшегося «кризиса развития» исследователь видит в обновлении методологии, что может быть достигнуто с помощью «Великих дебатов» в их «компаративном» варианте.

В статье петербургского исследователя Г.Л. Тульчинского поднимается вопрос, связанный с утратой способности традиционных политологических парадигм давать объяснения причинам и характеру политических процессов, разворачивающихся в современном мире с конца прошлого столетия. Методологические возможности таких концептов как политическая культура, демократический транзит, гибридные режимы и проч. позволяют лишь редуцировать политическую реальность, сводя ее «к параметрам типологии, фактически констатируя степень принадлежности явления категориальному аппарату, оценочному по своей сути» [16, с. 27]. Устранение образовавшихся издержек, по мнению автора, возможно путем расширения методологического горизонта на основе междисциплинарного подхода. Это позволит не формулировать научную проблему, исходя из имеющегося методологического аппарата, но, наоборот, подбирать действенный метод для решения актуальной проблемы.

Весьма любопытной представляется работа А.В. Абрамова, посвященная рассмотрению «незападной политологии». Исследователь рассматривает положение дел в политической науке в странах Латинской Америки, Азии и Африки. Автор отмечает магистральные исследовательские темы «национальных политологических школ» указанных регионов и приходит к выводу, что центральным аспектом изучения для представителей «незападной политологии» «становится выявление особенностей местного политического процесса в сопоставлении со странами Запада» [1, с. 18].

Известный отечественный эпистемолог В.Н. Порус размышляет о политической субъектности науки. Долгое время этот аспект выходил за пределы философии науки, несмотря на очевидность взаимовлияния познавательной деятельности и среды, в которой она осуществляется. Этот пробел поставил перед философией науки задачу преобразования, которая решилась и теперь можно говорить, что «в реформированной философии науки политическая субъектность науки является фактом и фактором развития как самой науки, так и социально-культурного контекста» [12, с. 71].

Российский философ А.В. Жукоцкая, рассуждая о природе социо-гуманитарного знания и его нынешнем состоянии, подчеркивает своеобразие этой области науки, которое состоит в ее

аксиологической и праксиологической направленности. Динамика социальных процессов и вектор их изменения часто задается познающим социальную действительность субъектом, всегда оперирующего той или иной системой оценочных суждений. «Вряд ли кого-то надо убеждать в том, что гуманитарное знание не может быть ценностно-нейтральным» [5, с. 91].

Методы

В работе концентрируется внимание на рассмотрении познавательных возможностей политической науки, что определяет применение политико-философского подхода, в рамках которого используются ретроспективный метод и дискурс-анализ. Обращение к ретроспективному методу позволило выявить один из основных моментов становления политической науки, обозначившего ключевую специфику ее исследовательского характера. Дискурс-анализ предоставил возможность зафиксировать позиции ряда авторов, являющихся основой для формирования перспективного проблемного поля в пространстве политической науки.

Результаты исследования

Методологическая специфика политической науки в контексте социально-гуманитарного знания

Наука выстраивает модель реальности, применяя методологию научного исследования. Классический подход подразумевает субъект-объектные отношения процесса познания, где исследователь занимает беспристрастную позицию к объекту изучения. Такой подход характерен для естественных наук. В социогуманитарном знании ситуация выглядит несколько сложнее, здесь речь идет уже о субъект-субъектных отношениях, где в качестве объекта исследования выступают другие субъекты и результаты их деятельности.

Как показывает Л.А. Микешина, известный методолог науки, в социо-гуманитарном знании действия субъекта в процессе изучения объекта всегда осуществляются с «определенных ценностных позиций, установок и интересов» [10, с. 398]. А далее исследователь обращает наше внимание на принципиальный момент: «в общественных науках цель субъекта – получить знание, с помощью которого можно не только объяснить, но также оправдать, укрепить или осудить, изменить те или иные общественные структуры и отношения» [10, с. 398].

Политическая наука, являясь частью социально-гуманитарного знания, не лишена его методологической специфики. Как подмечает А.В. Жукоцкая, несмотря на стремление социально-гуманитарных дисциплин «к объективности, нам придется признать, что аксиологический и мировоззренческий компоненты в этих науках очень сильны, поэтому ценностную и политическую ангажированность ученого сбрасывать со счетов нельзя» [5, с. 91].

Политология, как и любая наука, имеет эмпирический инструментарий исследования, а также теоретический уровень объяснения политической действительности. Эмпирические методы политическая наука преимущественно заимствовала из социологии – включенное и не включенное наблюдение, фокус-группы, контент-анализ, интервьюирование, социологический опрос и пр. При помощи этих инструментов собирается первичная информация, которая в дальнейшем обобщается на теоретическом уровне, давая возможность интерпретировать факты и выстраивать определенную модель реальности. Такая реконструированная реальность встраивается в наше мировоззренческое поле, являясь основой для действий.

Но есть и обратное влияние, когда наши мировоззренческие установки начинают оказывать влияние на формирование представлений о реальности, выраженных в теоретических моделях. Тогда эмпирические методы, вполне конкретные и универсальные, начинают использоваться не для сбора материала с целью дальнейшего обобщения и выработки на основе этого знания о реальности, а для подтверждения уже готовой модели реальности.

Модель реальности или картина мира в нашем сознании формируется не только под воздействием фактов и их механического обобщения, придавать событиям и явлениям окраску, фиксировать между ними связи и определять иерархию позволяет нам система ценностей. Здесь мы выходим на философский уровень, где существуют представления о благе, справедливости,

пользе, долге и т.п. Политическая философия в отличие от политической науки существует гораздо дольше и занималась она преимущественно не объяснением сущего, а определением должного. Говоря иначе, философия задавала вектор движения.

Несмотря на то, что многие современные исследователи считают философию не более чем абстрактным спекулированием, в лучшем случае «важным» этапом на пути формирования «подлинной» науки, свой функционал она прекрасно знает и успешно с ним справляется. Если внимательно посмотреть на основания того или иного исследования, на то, какой методологический подход избирается автором, то мы поймем, что научная работа проводится в строгих рамках определенной философской парадигмы. Как пишет Т.В. Карадже: «Парадигма ... является моделью картины мира, в которой определены причинно-следственные связи, субъект-объектные отношения, основные детерминанты развития. Приступая к решению той или иной задачи, ученый явно или неявно выбирает и модель картины мира» [7, с. 449].

Стоит отметить, что картина мира отражает видение бытия в соответствии с ценностями и общественными идеалами конкретной эпохи и цивилизации. И нам не трудно догадаться, ценности и идеалы какой именно цивилизации легли в основу философской картины мира политической науки.

Становление науки о политике и познавательные особенности компаративистики

Политическая наука как рациональный способ постижения хода политических процессов с опорой на эмпирические данные возникает в начале XX в. в США. Это происходит в силу интенсификации общественно-политической жизни и вовлечения в политический процесс значительного числа граждан путем участия в выборах. Технологическая революция в США, которая приходится на вторую половину XIX – начало XX в. породила так называемый «Золотой век», ставший временем бурного экономического роста. Индустриализация требовала все большего количества рабочих рук, города быстро росли, впитывая как сельское население, так и значительные потоки мигрантов. Электоральные процессы и сами выборы стали крайне актуальными. Важно было понять, как ведут себя избиратели и что необходимо делать для оказания влияния на политическое поведение емко локализованной массы.

На этой почве возникает знаменитая Чикагская школа, благодаря которой разрабатывается инструментарий эмпирических методов, появляются исследовательские программы, развивается бихевиористский подход в политологии и т.д. [18] В итоге к середине XX в., а именно в 1948 г. на известном коллоквиуме в Париже принимается решение употреблять термин «политическая наука». Годом позже по решению ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация политической науки, что стало окончательным этапом оформления «политической науки» как самостоятельной дисциплины.

Послевоенный период был ознаменован изменением модели международных отношений и сменой глобальных лидеров. Теперь политические интересы Соединенных Штатов стали выходить далеко за пределы собственного государства, что стимулировало развитие такой отрасли политологического знания как компаративистика. Сравнительный анализ государственного устройства, общественного мнения, политической культуры различных стран стал неотъемлемым инструментом освоения международного пространства и расширения влияния западного гегемона. «с» [6, с. 124].

Особенностью сравнительной политологии на ранних этапах ее формирования являлся тот факт, что для анализа эмпирического материала в качестве основы избирался определенный, выражаясь веберовским языком, «идеальный тип». Но проблема состояла в том, что эта матрица интерпретаций формировалась исходя из стандартов, норм и практик вполне конкретных государств. «Собственная политическая система представлялась подавляющему большинству американских политиков, да и политологов своего рода практически осуществленным идеальным типом – идея ложная и опасная для воспринявших ее» [6, с. 120].

Считается, что в 1952 г. компаративистика преодолела эту «детскую болезнь». В том году состоялся так называемый «Эванстонский семинар», в результате которого видные политологи того времени пришли к выводу о необходимости обновления методологических подходов

сравнительной политологии, так один из участников семинара Г. Алмонд говорил о стремлении «избежать американской и европейской ограниченности и интеллектуального консерватизма» [22, p. 93].

Тем не менее остается вопрос: действительно ли политическая наука, преимущественно развивающаяся в рамках западной среды, преодолела свойство сопоставления политического устройства различных обществ с собственным «идеалом»?

Надо отметить, что скепсис западных политологов по этой проблеме на сегодняшний день сохраняется. В частности, один из известных американских теоретиков Ф. Шмиттер обозначает проблему следующим образом – будет ли компаративистика оставаться источником инноваций для политологии или продолжит себя растворять в конформизме «американоцентричного» мейнстрима [23, p. 35].

Не секрет, что центральным аспектом политической науки западного мира является идея демократии (хотя некоторые теоретики сегодня отмечают выхолощенность этого понятия [8]), причем монополия толкования этого явления принадлежит концепции либерализма. Имеет ли место такая трактовка политической реальности? Возможно, но для цивилизации ее породившей. Нельзя с уверенностью утверждать, что ценности и идеалы определенной парадигмы будут способствовать адекватному отражению реальности других обществ. Если эмпирические методы политической науки действительно универсальны и применяться могут везде, то философские основания, предельные основания гораздо более сложная вещь, которая имеет если не национальный характер, то историко-культурные особенности. Ситуацию усугубляет тот факт, что подобный способ объяснения политической реальности был взят на вооружение отечественными обществоведами с конца прошлого столетия и долгое время являлся основополагающим инструментом интерпретации политической действительности в России.

Вопрос определения картины мира в изучении российской политики

После прекращения существования Советского Союза и провозглашения «конца истории» в России вместо «советоцентризма» [20, с. 96] возник крен в сторону радикального либерализма. «Сегодня неолиберализм проникает в функционирование современных обществ разными путями. Прежде всего, он представляет собой методологию, определенный способ понимания, осмысления и представления мира, что отражается на поведении общественных и политических деятелей, равно как и СМИ» [19, с. 39]. Как показывает время, данная мировоззренческая система на нашей почве не приживается. Более того, интерпретация фактов жизни российского общества, его истории и культуры с точки зрения подобных идейных оснований все время помещает нас в разряд отсталых обществ, неспособных преодолеть «примитивизм» собственной политической организации.

Возьмем, к примеру, концепцию политических режимов, которая возникает в западной политической науке с целью отличать демократии от не демократий. Соответствующая тема содержится в любом вузовском учебнике по политологии или школьном учебнике по обществознанию. С точки зрения данной теории все многообразие государственных устройств, существующих в мире, «загоняется» в простую схему, которая включает три известных режима. Все, что в этом шаблоне не является демократией, истолкованной в установленном смысле, квалифицируется как негативное явление. Вспомогательным элементом такого подхода является «теория демократического транзита», в рамках которой дается объяснение почему, несмотря на реализацию рыночных реформ и учреждение демократических институтов, Россия все-таки не смогла довершить переход к «правильной» форме организации политической власти, «застряв» на переходном этапе [11].

Любопытно, что по мере развития данной концепции авторитарный режим получает большое количество вариаций, таких как военная диктатура, мягкий, корпоративный, постколониальный авторитаризм, посттоталитаризм, султанистские режимы [9]. Это может говорить о том, что реальность гораздо сложнее, чем предложенная западными коллегами

схема, которая ставит перед собой целью не отражение действительности, а определение нормы, которая позволяет отличать своих от чужих.

Иногда можно наблюдать ситуацию, когда политология встает на службу интересам отдельных социальных групп и даже целых обществ, здесь речь идет о переходе науки в иную сферу интерпретации действительности, а именно в область идеологии. Тогда можно говорить о подмене методологии политической науки идеологией, а последняя, в свою очередь, может искажать «исследовательскую оптику ученого», способствовать подмене эмпирических исследований и анализа апологетикой определенного строя. Но тогда возникает вопрос: можно ли такой наукой пользоваться для постижения истинного положения вещей? Насколько, верно, она отражает мир? И может ли такое понимание вещей быть положено в основу созидательного действия?

В контексте наших размышлений, любопытно замечание одного из известных политологов двадцатого века Дж. Сартори, полагающего что «политическая наука как таковая в значительной мере страдает методологическим невежеством... И больше всего меня удручает тот факт, что политологи (за некоторым исключением) чрезвычайно плохо обучены логике – причем элементарной» [13, с. 67].

В отечественном общественном сознании попытки поднять вопрос о необходимости пересмотра способов интерпретации политической действительности предпринимались неоднократно. Тенденциозность либеральной модели и ограниченность политологии как инструмента постижения, в первую очередь, западного мира усматривал А.И. Фурсов, а основная проблема, о которой говорит автор, состоит в том, что многочисленные российские исследователи «описывали русскую реальность и прогнозировали ее развитие в терминах и понятиях, отражающих чужие реалии» [17, с. 15].

Мыслитель отмечает, что западная обществоведческая наука формировалась с целью изучения собственного общества и тех объектов, которые это общество порождало. Возможно ли исследование при помощи такой науки обществ, которые развивались в несколько иных историко-культурных условиях? Возможно, но лишь путем применения «чуждых теоретических схем и понятий, а ведь метод и теория должны соответствовать природе изучаемого объекта, а не навязываться извне» [17, с. 15].

Исследовательский подход с исключительной опорой на западную парадигму мышления на протяжении всего постсоветского периода приводил нас к ситуации, когда российская социально-политическая действительность трактовалась как несостоятельная. «Нам долго вколачивали в головы, что отродясь не было и нет в России ни демократии, ни гражданского общества. Но что-то ведь было! Об этом бы и надо нам говорить, следуя нормам рационального мышления. Ведь это первый шаг к познанию реальности – увидеть «то, что есть» а потом уж рассказывать «о том, что должно быть»» [21, с. 10].

Российский историк и политолог В.Э. Багдасарян рассматривает важность самостоятельной ценностно-смысловой системы сквозь призму проблемы суверенитета. Исследователь говорит об утрате самостоятельности посредством внедрения «матрицы десуверенизации», при этом он отмечает: «Есть много составляющих десуверенизации: экономическая, финансовая, политическая, кадровая, правовая, технологическая, культурная. Но фундамент всех их составляет десуверенизация когнитивная. Людям внушаются ценности и нормы, которые продуцируют программы не суверенного бытия во всех сферах жизни. Не поломав стереотипы матрицы десуверенизации, не деконструировав ее, реального суверенитета, увы, не обрести» [2, с. 29].

Весьма любопытную точку зрения предлагает известный российский философ А.Г. Дугин. Он полагает, что в ходе исторического противостояния трех идейных подходов – либерализма, коммунизма, фашизма – победу одержала либеральная мировоззренческая система, по итогам вобрав в себя два остальных течения, что имеет выражение в правых и социал-демократических движениях. «Победив своих соперников, либерализм приобрел монополию на идеологическое мышление, он стал единственной идеологией, не допускающей рядом с собой никаких иных» [4, с. 42].

Важно отметить, что все три подхода развивались в рамках парадигмы модерна, а современная либеральная концепция берет на себя функцию мировоззренческой трактовки социально-политической организации общества, существуя в лоне постмодернистской картины мира. «В Постмодерне либерализм, сохраняя и даже увеличивая свое влияние, все реже выступает осмысленной и свободно принятой политической философией, он становится бессознательным, само собой разумеющимся, инстинктивным. Такой инстинктивный либерализм, претендующий на то, чтобы превратиться в неосознаваемую большинством «матрицу» современности» [4, с. 43].

В этом контексте А.Г. Дугин развивает идею «четвертой политической теории» и приглашает интеллектуальное сообщество к поиску самостоятельной мировоззренческой системы, представляющей принципиальную альтернативу постмодернистской парадигме мышления, воплощенной в либеральной теории. Мыслитель утверждает: «Если Россия выбирает «быть», то это автоматически означает – созидать Четвертую политическую теорию. В противном случае остается «не быть» и тихо сойти с исторической арены, раствориться в глобальном, созданном и управляемом не нами мире» [4, с. 8].

Выводы

Вопрос изменения действующей в политической науке парадигмы или, как минимум, уточнения методологических оснований политологии, направленной на изучение российской действительности, как можно заметить, не теряет своей значимости. Насколько методологический базис политологии (сформировавшийся в реалиях западного социума) является адекватным инструментом для постижения политической действительности российского общества? Постановка данного вопроса актуализирует необходимость поиска релевантных способов отражения политических процессов. Подобные изыскания лежат в плоскости политической философии, ибо как говорит О.В. Гаман-Голутвина: «любая методология есть также определенное понимание политики, основанное на определенной философской традиции, которая может быть артикулирована прямо или неявно» [3, с. 26].

Нам лишь остается констатировать, что выявление базовых ценностных оснований и их артикуляция является первостепенной задачей для формирования методологической базы, при помощи которой будет получена возможность адекватно давать оценку фактам, явлениям и событиям российской политической реальности. Исходя из этого, следует сказать, что перед российской политической философией, методологией науки и гуманитаристикой открывается широкое пространство для дискуссий, изысканий, споров и открытий.

Литература

1. *Абрамов А.В.* Незападная политология: национальные научные школы // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 4. – С. 8-24.
2. *Багдасарян В.Э.* Матрицы общественного сознания. – М.: Наше Завтра, 2021. 416 с.
3. *Гаман-Голутвина О.В.* Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 19-42.
4. *Дугин А.* Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. 343 с.
5. *Жукоцкая А.В.* Размышления о современной гуманитаристике // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». – 2021. – № 1. – С. 89-91.
6. *Ильин М.В., Сморгун Л.В.* Сравнительная политология // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 109-145.
7. *Карадже Т.В.* Политическая философия. – М.: Мысль, 2007. 512 с.
8. *Крауч К.* Постдемократия. – М.: Издательский Дом ВШЭ, 2023. 192 с.
9. *Линц Х.* Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 4. – С. 16-62.

10. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
11. Наливкина Н.В. Демократические переходы и неудача демократического транзита России // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 12. – С. 83-88.
12. Порус В.Н. Политическая субъектность науки как тема философии науки // Вопросы философии. – 2023. – № 9. – С. 71-82.
13. Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 67-77.
14. Силакова И.В. Энциклопедия методологий политической науки // Вопросы философии. – 2019. – № 8. – С. 207-214.
15. Современная политическая наука. Методология / [Т.А. Алексеева и др.]; отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. 773 с.
16. Тульчинский Г.Л. Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2019. – № 2. – С. 20-46.
17. Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2008. – № 6. – С. 10-81.
18. Чикагская школа политической мысли (1920-1940-е годы): сборник переводов /под ред. Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2023. 284 с.
19. Что остается от государства в эпоху неолиберализма? : монография / под ред. К. Беше-Головки, М.-Э. Бодуен, К.В. Карпенко. – М.: Блок-Принт, 2023. 144 с.
20. Шабров О.Ф. Политология – государственным служащим // Государственная служба. – 2002. – № 1. – С. 96-98.
21. Якунин В.И., Кара-Мурза С.Г., Вершинин А.А., Каменский А.В. Лекции по политологии. – М.: Научный эксперт, 2014. 304 с.
22. Almond Gabriel A. Ventures in Political Science. Narratives and reflections. Colorado: Lynne-Rienner Publishers. 2002. 240 p.
23. Schmitter Ph. The Nature and Future of Comparative Politics // European Political Science Review. – 2009. – Vol. 1. – P. 33-61.

References

1. Abramov A.V. *Nezapadnaya politologiya_nacionalnie nauchnie shkoli* [Non-western political science: national scientific schools]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta_elektronnii jurnal* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)]. 2021, V. 4, pp. 8-24. (In Russian).
2. Bagdasaryan V.E. *Matricy obshchestvennogo soznaniya* [Matrices of public consciousness]. М., Our Tomorrow, 2021, 416 p. (In Russian).
3. Gaman-Golutvina O.V. *Preodolevaya metodologicheskie razlichiya: spory o poznanii politiki v epohu neopredelennosti* [Overcoming methodological differences: disputes about the knowledge of politics in an era of uncertainty]. *Politicheskie issledovaniya* [Political studies]. 2019, V. 5, pp. 19-42. (In Russian).
4. Dugin A. *Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka* [The fourth political theory. Russia and the political ideas of the XXI century]. St. Petersburg, Amphora, 2009, 343 p. (In Russian).
5. Zhukotskaya A.V. *Razmyshleniya o sovremennoj gumanitaristike* [Reflections on modern humanitarianism]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Istoricheskie nauki»* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: "Historical Sciences"]. 2021, V. 1, pp. 89-91. (In Russian).
6. Ilyin M.V., Smorgunov L.V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science]. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2001, V. 2, pp. 109-145. (In Russian).
7. Karaje T.V. *Politicheskaya filosofiya* [Political philosophy]. М., Mysl, 2007, 512 p. (In Russian).

8. Crouch K. *Postdemokratiya* [Postdemocracy]. M., HSE Publishing House, 2023, 192 p. (In Russian).
9. Linz H. *Totalitarnye i avtoritarnye rezhimy* [Totalitarian and authoritarian regimes]. *Neprikosnovennyj zapas* [Inviolable reserve]. 2018, V. 4, pp. 16-62. (In Russian).
10. Mikeskina L.A. *Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. M., Progress-Tradition, MPSI, Flint, 2005, 464 p. (In Russian).
11. Nalivkina N.V. *Demokraticheskie perekhody i neudacha demokraticeskogo tranzita Rossii* [Democratic transitions and the failure of democratic transit in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2006, V. 12, pp. 83-88. (In Russian).
12. Porus V.N. *Politicheskaya sub"ektnost' nauki kak tema filosofii nauki* [Political subjectivity of science as a topic of philosophy of science]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2023, V. 9, pp. 71-82. (In Russian).
13. Sartori D. *Iskazhenie konceptov v sravnitel'noj politologii (I)* [Distortion of concepts in comparative political science (I)]. *Politicheskije issledovaniya* [Political studies]. 2003, V. 3, pp. 67-77. (In Russian).
14. Silakova I.V. *Enciklopediya metodologij politicheskoy nauki* [Encyclopedia of political science methodologies]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2019, V. 8, pp. 207-214. (In Russian).
15. *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern political science. Methodology] / [T.A. Alekseeva et al.]; ed. by O.V. Gaman-Golutvin, A.I. Nikitin. – 2nd ed., ispr. and additional M., Aspect Press, 2019, 773 p. (In Russian).
16. Tulchinsky G.L. *Tri narrativa politicheskoy nauki: perspektivy mezhdisciplinarnosti politicheskikh issledovanij* [Three narratives of political science: prospects for the interdisciplinarity of political research]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX]. 2019, V. 2, pp. 20-46. (In Russian).
17. Fursov A.I. *Russkaya vlast', istoriya Evrazii i mirovaya sistema: mobilis in mobile (social'naya filosofiya russkoj vlasti)* [Russian power, the history of Eurasia and the world system: mobilis in mobile (social philosophy of Russian power)]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law]. 2008, V. 6, pp. 10-81. (In Russian).
18. *Chikagaskaya shkola politicheskoy mysli (1920-1940-e gody): sbornik perevodov* [Chicago School of Political Thought (1920s-1940s): collection of translations] / edited by D.V. Efremenko. M., INION RAS, 2023, 284 p. (In Russian).
19. *Chto ostaetsya ot gosudarstva v epohu neoliberalizma? : monografiya* [What remains of the state in the era of neoliberalism? : monograph] / edited by K. Beshe-Golovko, M.-E. Boduen, K.V. Karpenko. M., Blok-Print, 2023, 144 p. (In Russian).
20. Shabrov O.F. *Politologiya – gosudarstvennym sluzhashchim* [Political science-to a civil servant]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service]. 2002, V. 1, pp. 96-98. (In Russian).
21. Yakunin V.I., Kara-Murza S.G., Vershinin A.A., Kamensky A.V. *Lekcii po politologii* [Lectures on political science]. M., Scientific expert, 2014, 304 p. (In Russian).
22. Almond Gabriel A. *Ventures in Political Science. Narratives and reflections*, Colorado: Lynne-Rienner Publishers, 2002, 240 p.
23. Schmitter Ph. The Nature and Future of Comparative Politics, *European Political Science Review*, 2009. Vol. 1, pp. 33-61.